

«Владимир Яковлев – само воплощение тайны поэтического дара. У него – интуиция глубокого сердца. Концентрация мысли и переживания, объединенных сердцем. И всегда присутствует у него надмирный взгляд, даже на самые земные вещи, словно часто он пишет о земном и человеческом, находясь на высоте полета сверхзвукового самолета. Взгляд его охватывает в одном стихе сразу большие пространства. И временные и географические... и никогда никакой игры слов, никакой поэтической амбиции – вона, мол, я как умею... Человек на кресте в слова не играет. Он молится. Вся поэзия Владимира – молитва. В этом я вижу и родство и отличие его от наследия Рубцова. Это родство уже умудренного и умудренного именно духовно – сына, а потому и превосходящее нередко первоначальника. Большой поэт Владимир Яковлев. Пред памятью его и творчеством склоняю низко голову».

Е.Р. Домбровская, журналист, писатель

УКРАИНСКАЯ НОЧЬ

Снова небеса над Незалежной
Рвут снаряды – пятерней железной
Землю с кровью смешивает «Град».
И бессонный снайпер смотрит в оба...

Как теперь я буду верить в Бога,
Если украинец мне – не брат?!
Если оклеветан и оболган
Мир, в котором я живу, и волком

Воет ненависть звериным всем нутром,
Насылая смерть, тоску и морок?
Если ночь июньская, как ворог,
Затаилась снова за Днепром?

01.07.2014

ГОВОРЯТ

Говорят, стреляют у границы.
Говорят, что это украинцы.

В них стреляют наши ополченцы.
Говорят, что все они чеченцы.

Говорят, вводить войска не будем.
Говорят, что виноват, мол, Путин.

Лупит артиллерия по полю,
Где военных нету и в помине.

Говорят, у них потерь поболее.
Говорят, у нас потерь помене.

Беженцы идут сплошной толпою...
Мальчик подрывается на mine...

С каждым днем становится все гаже...
Бог молчит пока... Но что-то скажет!

13.07.2014

ОПЯТЬ СО СТАНЦИИ ЛИХАЯ

Опять со станции Лихая
Уходит поезд на восток.
И ночь уходит, полыхая,
От Волгограда за Ростов.

Донская степь звенит на стыках
Пустых дорог и тишины.
И горько спят в вагонах тихих
Бегущие от той войны.

И лишь мальчишку из Луганска
Не успокоит проводник,
Когда опять свистит фугаска,
Убившая его родных.

22.08.2014

ВОЙНА

Сыплется густо осколков окалина –
Стоны разносит взрывная волна.
Шастает по полю баба охальная,
Злая, бесстыжая тетка – война.

Вот она суть ее подлая, б***ская:
Смерть раздает – так одну на троих,
Задом железным над пажитью лязгая,
Весь чернозем до крови раскроив.

Мало здесь было жизнью положено?
Мало посеяно было костей?
Что она снова орет запыленно
И созывает на пьянку гостей?

Что ж, приходите – дорога не дальняя.
Все вы упьетесь здесь допьяна.
Мечется по полю баба охальная –
То ли гражданская, то ли локальная,
То ли уже мировая война.

27.07.2014

ПЕСНЯ

На осеннем ветру, на высоком юру,
Под измученным небом донецким
Я б нашел поутру свою смерть, как сестру,
Я б простился с родными – да не с кем.

Моих самых родных нету больше в живых –
Как один все фугаской убиты.
А у дальних моих на распутьях кривых
Память выклевал ворон сердитый.

Рядом пули свистят, рядом танки горят,
И дымы, словно души, – белесы.
Погибают друзья, убывает заря,
А меня душат горькие слезы.

Пусть я тоже умру – смерть красна на миру.
Мне делить ее более не с кем
На холодном ветру, на высоком юру,
Под измученным небом донецким.

09.10.2014

ХОДИЛА БОГОРОДИЦА ПО МУКАМ

Ходила Богородица по мукам,
По адовым кругам – и с каждым кругом
Все меньше оставалось бранных сил.
И плакала, сердешная. И тихо
Просила не спешить архистратига.
Но шел вперед небесный Михаил.

По тернию, по угольям босыми
Ступая ноженьками, думала о Сыне.
По зыбям мертвым и пустыням шла,
Где ни одной звезды на небосводе,
Где страшен гнев, где темен лик Господень,
Где участь всех горька и тяжела!

И молнии, разящие из мрака,
И вихри, восходящие из праха,
И души, вопиющие из ям –
Все сердце материнское объемлет,
Всем жалобам, мольбам и воплям внемлет.
И лик ее любовью осиян.

В крошечной тьме цинизма и безверья
Бреду, как пес, мучительно трезвея,
На тихий свет, что теплится вдали.
Спаси, Пречистая, глухие души
От муки атомной и смертной стужи.
И жажду истины любовью утоли!

06.08.2014

ГДЕ-ТО ПОД ЯСИНОВАТОЙ

Где-то под Ясиноватой
Ты проснешься (может быть)
И, ни в чем не виноватый,
Будешь в тот же миг убит.

Ты потом очнешься в поле.
И тоска, как ржавый гвоздь,
Снова грудь твою проколет,
Прошибет тебя насквозь.

Ты себя во сне увидишь
С мертвым сыном на руках.
Ты на свет из мрака выйдешь
И увидишь снова, как

Где-то под Ясиноватой
Вас накроет тот снаряд
И как в дымке синеватой
Ваши души воспарят.

Ни креста, ни звезд, ни крика –
Стылых губ не разлепить.
Будешь молча горе мыкать,
Боль глотать и слезы пить.

Будешь каждый день, поддатый,
Горький дым зубами рвать.
Будешь под Ясиноватой
Каждой ночью умирать.

11.11.2014

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ

– Налей-ка еще нам по «сотке», Тенгиз, –
Кричит через головы бывший танкист,
А ныне – бездомный калека.
– Я выпить желаю за взятый рейхстаг,
За ногу в кустах и за душу в крестах,
За нашу Победу. Налей-ка!

Ему наливает безмолвный Тенгиз,
Пока он бредет под осколочный визг
И вдовьи далекие вздохи, –
Пока он ногой деревянной скрипит
И давится воздухом, крепким, как спирт,
И ждет у обшарпанной стойки.

Он с хриплым надрывом глотает сто грамм,
Как будто срывает вагонный стоп-кран,
Чтоб выйти в ночной глухомани, –
Как будто вступает в последний он бой,
Чтоб снова прикрыть своей рваной судьбой
Страну, что лежит за холмами.

Последний защитник великой страны,
В которой всегда все верны и равны,
А коль не равны – то маленько.
... Бездомная вьюга свистит по холмам,
Качая во мгле привокзальный шалман...
– Я выпить желаю. Налей-ка!

08.01.2015

РОДНЯ

На столе винегрет, малосол, холодец,
Самовар (как при старом режиме).
За столом – в белом кителе – юный отец
И веселая мать – в крепдешине.

И поет патефон о любви фронтовой
И о том, как шагали с боями.
И чуть слышно играет (как будто живой!)
Дядя Фрол на трофейном баяне.

Будто вовсе не он умер ночью от ран,
Будто не было бреда и мути –
И осколков, что рвали его по утрам,
И больничной бессмысленной муки.

Рядом с ним улыбается дядя Антон –
(Он и выглядит будто моложе) –
Будто это не он умер в сорок шестом,
Когда голод был в Нижнем Поволжье.

Дядя Витя, мой крестный, смолит самосад –
Он семь лет промотался по зонам.
И текут над могилой его небеса
И тревожат сияньем бессонным.

И трепещет душа на жестоком ветру
С поминальной бутылки «Агдама».
Ты за родину кровь проливал, политрук,
Чтобы сгинуть в аду Магадана.

Это память кирзовым своим сапогом
Бьет под сердце приемом поганым...

А отец разливает уже самогон
По зеленым граненым стаканам.
И смолкают на миг голоса за столом.
И становится музыка тише...

И встает за спиной моей век-костолом
И в затылок мне холодом дышит.

26.03.2015

* * *

Когда я очнусь на другой стороне,
То вспомню ли я эти сны о России –
Как стлались дымы по речной быстрине,
И чайки, как вдовы, нам вслед голосили?

У самого края, у мертвой воды
И в горнице русской с ее образами
Пронзит ли опять мое сердце Батый
Кровавой резней и слезами Рязани?

Забуду ли я о ночах фронтовых,
Дорогах войны, сапогами истертых?
О наших солдатах – о них, рядовых,
В прожженных железным огнем гимнастерках?

И вспомню ли я, как бросало плоты
На самой последней моей переправе,
У скользкого края, у мертвой воды,
У ржавой звезды, на дороге с ветрами?

04.05.2015

* * *

Вот и мама приходит во сне,
Мнет косынку.
Слышу голос, звучащий извне:
– Как ты, сынку?

Вот и батька заходит в мой сон
(Где ты, водка?)
Со слезою во взгляде косом:
– Как ты, Вовка?

Только брат задержался в пути:
– Где ты, братка?
Только ветер осенний гудит:
– Там, где батька?

06.09.2015

